

ЛЕГЕНДА

Из летописи военных лет

Время исцеляет раны, но разумом и сердцем мы никогда не забудем пережитого в годы войны. Разве изгладится в памяти подвиг тех, кто не дошел, не дожидая, отдав все во имя жизни. Разве можно забыть желтые квадраты пшеничных полей и курганы, большаки и проселки, где когда-то злое слово скрежетало «тигры», «пантеры», «фердинанды», — и людей, сдержавших сатанинский натиск гитлеровцев на Курской дуге и победивших в этом смерче огня и металла.

...Это произошло в первые же дни Курской битвы. На участке Краснознаменного гвардейского стрелкового полка показались фашистские танки. Они двигались, не разбирая дорог, подминая стебли вызревающей пшеницы, и из их длинных, как жерди, стволов выплескивались струйки пламени. С каждой минутой танки набирали скорость, однако издали казалось, что они накатывались медленно, грозно переваливаясь с пригорка на пригорок. Злое слово клубилось в пелене взбитой пыли.

Но вот откуда-то с косогора ало и резко ударили противотанковые орудия. За ними из-за холмов открыли огонь минометы. Вили из оков броневые ружья. Через минуту-другую над пшеничным полем бушевало пламя. Казалось, сам воздух источал огонь.

...Гвардии лейтенант Виктор Володин упал раненый, но, падая, он успел дать команду, и расчеты продолжали огонь. Привывшие к грохоту орудий, артиллеристы угадывали приказы командира по жестам, как угадывают опытные музыканты движение своего дирижера.

Батарея дралась на открытой позиции. Орудия стояли на вершине небольшого лесистого склона. Всего несколько минут назад ушел с батареи командир полка, гвардии подполковник Михаил Васильев. Человек небольшого роста, неторопливый в движениях, он ласково оглядел людей и сказал:

— Вы их сдержите...

И было в этих негромких коротких словах то сильное, что заставило всех на батарее, от ее командира — до подносчика снарядов Саша Митина, молодого, худенького парня с тихими синими глазами, почувствовать, что никто из них не уйдет отсюда, выдержит.

Командир огневого взвода, гвардии лейтенант Аргам Аюпьян принял батарею. Он подал команду и, смотря в бинокль, внимательно проследил, как ложатся снаряды. Только уголком глаза, нахмурившись, поглядел, как санитары, осторожно поднимая Володина, понесли его в ложбинку позади огневой позиции.

Аюпьян вел огонь. Орудия били непрерывно, но, несмотря на силу их огня, немцы не отступали. Иногда совсем близко выскакивали зеленоватые фигуры, тогда темп движений на батарее рос, артиллеристы били прямой наводкой, а маленький Митин, подавая снаряды, шептал: «Дайте им! Дайте им еще!».

Каждый снаряд, вылетающий из орудия, он сопровождал довольной улыбкой. У него потемнело и заострилось лицо, и, не чувствуя своего дыхания, все быстрее хватал снаряды.

Аюпьян поглядывал на левый фланг. Там было что-то не в порядке — танки вклинились в рошу, и грохот боя сильнее доносился оттуда. Он наблюдал за рошей, хотя и на его участке положение становилось все серьезнее. Иногда ему казалось, что орудия задыхаются от быстрого, непрерывного огня, но сейчас было не время об этом думать. Орудия были накалены, а люди работали так, что Аюпьян, старый наводчик, видел в этом предел человеческой силы и энергии, что-то легендарное. В эти минуты всем на батарее казалось, что жизнь потекла какими-то необычайно быстрыми темпами и увлекает их за собой, как большой водопад.

— Дайте им! Дайте им еще! — прошептал Аюпьян и увидел, как метнулась в бок маленькая фигура Митина и прилегла к земле.

Аюпьян подумал о том, что не вовремя ранили Митина, подал новую команду, и вдруг что-то толкнуло его в живот. Он сначала не понял, что это такое, и когда потянуло вниз, к земле, пробормотал с досадой и тоской: «Не вовремя! Все не вовремя».

Митин полез за снарядами сердито, стирая руками с лица кровь и тепло, конфузливо улыбнулся лейтенанту.

— Ничего, это ничего, — сказал он, — и вдруг испуганное выражение появилось на его лице... Он смотрел на Аюпьяна. Лейтенант медленно, точно нехотя, опустился на колени и так остался стоять. Митин жадно глотнул воздух.

— Снаряды, снаряды! — крикнул лейтенант, и Митин поднялся так легко, как будто не было у него на затылке раны от осколка, он забыл о ней в том великом напряжении боя, которое охватило всех людей батареи. Аюпьян стоял на коленях и командовал. Лицо его вытягивалось и бледнело, голос звучал глухо. Он упрямо глядел в бинокль, и непрерывный грохот орудий его батареи — такой нужный, родной — поддерживал его, как бодрящее вино.

Пот крупными каплями усеял его лоб, он с ненавистью, как

врага, ощущал свою рану и превозмогал боль. Санитары подбежали к нему. Он отослал их упрямым движением головы. Командир первого орудия Николай Харченко, высокий и сильный, работал возле своего орудия. Лицо у него пылало, глаза возбужденно сверкали. Он оглянулся на лейтенанта, и, по-видимому, не поняв почему командир стоит на коленях, радостно крикнул ему: — «У нас идет хорошо». — И звонким, юношеским голосом прокричал команду. У орудия закипела такая стремительная, дружная, до каждого движения рассчитанная работа, какая возможна только у сплоченного и крепкого коллектива.

И тут что-то случилось. Подполковник Васильев появился на батарее. Небольшая его фигура остановилась у первого орудия. Он немного сутулился, и рядом с высоким Харченко казался очень будничным. Не глядя на Аюпьяна, он сказал Харченко: — «Сержант, замените командира батареи!».

Аюпьян был далеко, но какой глубокой интуицией он угадал, что сказал Васильев. С большим усилием заставил себя встать, голос у него был хриплым.

— Разрешите доложить, товарищ подполковник, я нужен на батарее и не выбыл из строя.

— Так вот что, — проговорил Васильев, подходя к Аюпьяну. Дальнейшие его слова не были слышны Харченко... — Да, это придется сделать, — закончил подполковник, и ушел также незаметно, как и пришел.

У Аюпьяна посерело лицо. Он сел, провел рукой по влажному лбу и подал команду. Команда была страшная, необычная. В разгар тяжелого боя второе и третье орудия уходили с позиции. Харченко оглянулся, как и другие, он ничего не понимал. Враг шел в атаку, а два орудия уходили; да, уходили...

Аюпьян приподнялся. Левую руку он прижимал к животу, правой держал бинокль.

— Батарея, — хрипло выкрикнул лейтенант, — батарея...

Он командовал открыть огонь, и все невольно обратили внимание на то, что, хотя осталось одно орудие, командир командовал «батарея», поняли, почему он это сделал. Это орудие было теперь «батарея». Харченко сбросил пилотку. Когда повалился наводчик, повалился молча, лицом на орудие, Харченко стал наводить орудие сам.

Большой коренастый клен с сильными длинными ветвями

стоял метрах в двухстах от батареи, поднимаясь из узкой прогалники. Земля вокруг была черной, но багряный, узорчатый лист, как последний знак уходящей жизни, еще оставался высоко на дереве. Мимо клена, по два, шли 6 немецких танков на батарею, засыпая ее снарядами своих орудий. Митин пробежал мимо Аюпьяна к орудью и увидел, как лейтенант, стоявший на коленях, склонился лицом к земле и так и остался.

— Батарея! — прокричал Харченко. — Слушай мою команду! Он бил по первому справа танку, потом по первому слева. И по нетерпеливому выражению его лица было понятно, что он считает танки: «Один, два» и не дожидается, пока счет дойдет до шести.

Орудие выкатили вперед, так как враг пристрелялся к старой позиции. Три танка были перед кленом, один горел, два уходили назад. А орудие продолжало бить, бить, бить... Удары его слышались непрерывно. Митин увидел, как побледнело лицо у Харченко, как пошатнулся он.

— Нельзя, нельзя сейчас, товарищ командир... не вовремя. Митин больше всего боялся, что упадет Харченко, у которого все шире растекалось на груди красное пятно, шептал:

— Дайте им! Дайте им еще!

Он хватал снаряды, он закрывал замок, он поддерживал Харченко, когда тот шатался. И никто из них, дравшихся на батарее, не мог уловить того момента, когда изменилась картина боя. Перед глазами Харченко плавал зеленый, колеблющийся туман, он слабо взмахивал рукой, чтобы отогнать его. Ему показалось, что он почему-то прекратил бой.

— Орудие, к бою! — прокричал он, напрягая силы, и удивился, что его голоса совсем не слышно. Кто-то дал ему воды, и он жадно пил воспаленным ртом, оторвавшись от фляжки, увидел Митина и подполковника Васильева.

— Отставить команду «к бою», — обычным своим негромким голосом приказал он и показал рукой на левый фланг. Оттуда возвращались два орудия батареи.

— Левый фланг отстояли, молодцы, — сказал Васильев. — А у вас получилось просто легендарно с одним вашим орудием. Отойдя в сторону, он мягко добавил:

— Вам, сержант, в госпиталь надо...

Маленький Митин поддерживал Харченко, обнимал его, а тот удивлялся, почему ему уходить в какой-то госпиталь, когда батарея выдержала испытание, опять готова к бою, и так чудесно стоит неподалеку большой коренастый клен с длинными ветвями, на одной из которых каким-то чудом уцелел багряный узорчатый лист.

А. МАТХАШЯН.